

УДК: 94.929.7

DOI: 10.25629/НС.2023.11.36

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДВОРЯН «ПАРТИИ» КОНДЕ ВО ВРЕМЯ ФРОНДЫ

Малахова С.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

Во время Фронды (1648-1653) во Франции образовалось несколько «партий»: фрондеры, мазаринисты, кондисты/кондеанцы; последним и посвящена статья. В кратком обзоре литературы упоминаются некоторые из последних работ отечественных и французских исследователей, которые по проблематике и методологии сходны с исследованием. Для изучения партии кондеанцев используются методы социальной истории, пропосографический, методики изучения источников личного происхождения.

В основной части говорится о причинах перехода дворян к Конде, об их целях и расчетах, о том, нес ли глава фракции ответственность перед ними, об отношениях участников, о ссорах в семье принца. Отдельного внимания заслуживает вербовка новых участников, среди которых был и один из авторов исследуемых источников – граф де Бюсси-Рабютен. Особо рассматривается отношение к женщинам в партии Конде. Несмотря на то, что герцогини де Лонгвиль и де Монпансье были активными политическими деятельницами с огромным влиянием на события Фронды, мужчины-кондеанцы зачастую не обращали внимание на их вклад.

Кондеанцы отличались от других партий тем, что среди них было много военных. Это делало фракцию сильной, но и усложняло контроль над ней. Неповиновение участников объяснялось тем, что они больше думали о собственной выгоде, а также тем, что принц не всегда выполнял обещания. Разочаровавшись в Конде, некоторые из них начинали лавировать между фракциями.

Подводя итоги, необходимо отметить особенное влияние родственных отношений в доме Конде на деятельность его партии, потому что «верхушкой» кондеанцев были брат и сестра принца. Ссоры и периоды мира между ними приводили то к упаду, то к подъему деятельности фракции. Кондеанцы были связаны между собой самыми разными отношениями: семейными, патрон-клиентскими, дружескими, любовными и другими. Конде ждал от членов своего объединения лояльности и послушания, а кондеанцы – покровительства, исполнения щедрых обещаний. Конфликты возникали в том случае, если эти взаимные ожидания не реализовывались.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Франция середины XVII в., Фронда, дворянство, функционирование партии, принц де Конде, кондеанцы, женщины-фрондерки.

ВВЕДЕНИЕ

В середине XVII в., когда период Регентства после смерти Людовика XIII спровоцировал очередной всплеск нестабильности, началась гражданская война против непопулярного первого министра кардинала Джулио Мазарини (1602-1661). Фронда (1648-1653) разделила «политически активную часть» Франции на несколько «партий», которые сражались против друг друга для реализации целей, поставленных главами этих организаций. Слово «партия» я использую условно, в XVII в. во Франции не было политических организаций, сравнимых с современными партиями. Однако сами участники событий использовали этот термин (*le parti*), чтобы обозначить непостоянное объединение во главе с патроном, в котором можно было совместно бороться за свои интересы. Далее буду использовать слово без кавычек.

Название гражданской войне дали современники, которые сравнили действия мятежников с мальчишками, играющими с пращей (*la fronde* – праща) [1, С. 9]. Парламентская Фронда выступала за освобождение популярного парламентского советника Брюсселя, за снижение налогов. Фронда Принцев началась как борьба за освобождение де Конде, его брата де Конти и зятя, герцога де Лонгвиля. Ее участники боролись за свои привилегии и против возвышения первого министра.

Из мемуаров участников Фронды следует, что правительственная партия включала приверженцев Мазарини (мазаринисты, *les mazarins*), первая фрондерская партия образовалась вокруг деятелей Парижского Парламента (фрондеры, *les frondeurs*, Старая Фронда, *l'Ancienne Fronde*), дом принца де Конде и его клиенты стали партией кондистов/кондеанцев (*les condéens*). В статье я рассматриваю партию принца Конде, так как источники [2, 3, 4, 5] позволяют на ее примере проанализировать механизмы функционирования фракции во время Фронды.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Периодом Фронды, ее участниками и участницами интересовались многие иностранные и отечественные историки. Из относительно недавних работ российских исследователей упомяну статьи С.Ю. Павловой, посвященные герцогу де Ларошфуко и его воспоминаниям [6, 7], принцессе де Монпансье [8, 9]. Из статьи Т.О. Кожановой [9] можно почерпнуть информацию о биографии и произведении Бюсси-Рабютена. Среди работ французских авторов по методологии и проблематике к этому исследованию наиболее близка книга Ж.-М. Констана «Это была Фронда» [1], а также диссертация Софи Вернь о женщинах-фрондерках [11]. Краткий обзор литературы не исчерпывает всего многообразия статей и книг, посвященных этому событию. Историография Фронды обширна, но все же остаются недостаточно изученные проблемы, в частности, та, которой посвящена статья.

МЕТОДЫ

Для написания статьи я использовала методы социальной истории. Мне было важно понять, что происходило во французском обществе во время Фронды, как субъективное миропонимание авторов источников и их современников влияло на объективную реальность. Отчасти я использовала просопографический метод, чтобы сравнить между собой биографические сведения об авторах источников. Также необходимо было использовать методики изучения источников личного происхождения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Логично, что король Людовик XIV не мог быть во время Фронды ни в какой другой партии, кроме как в правительственной. К представителям других партий у него было отношение как к мятежникам. Людовик XIV был ребенком во время гражданской войны, поэтому сложно провести грань между тем, что он в действительности знал о партии принца и что он считал по этому поводу на основании чужих слов. В 1651 г. ему было 13 лет. Письма короля писал секретарь, о чем свидетельствует подпись «Фелиппо» в конце текста. Пример подобных писем Бюсси-Рабютен приводил в «Мемуарах» [5, С. 257, 258-259, 270 и др.]. Я думаю, что эти документы выражали «официальную» позицию партии мазаринистов в целом, а не только лично его.

В письме от 17 октября 1651 г. к графу де Бюсси-Рабютену король отмечал «причины недовольства кузеном», принцем де Конде [5, С. 260-261]. Например, он был разгневан из-за самовольной поездки принца в Гиень, организации войск на суше и на море без приказа короля. Среди прочего, юный монарх писал о том, что отстранение принца и его союзников от правительственного лагеря не имело никаких оснований. Король хорошо знал членов партии принца и отмечал, что многие из них были военными – это серьезным образом повлияло на методы фракции. В качестве примера король привел графа Дуннона, генерала-лейтенанта в стратегически важном городе Бруаж и генерала-лейтенанта военно-морского флота, который «...получив бесконечные милости и благословения, был настолько невнимателен и так безрассуден, что стал приверженцем этой партии...» [5, С. 260-261]. Мне показался очень интересным фрагмент письма, в котором автор объяснил, как он понимает причины перехода военных от маза-

ринистов к кондистам: «...многие люди скорее из-за слабости, чем из-за зависимости, примыкают к этой фракции» [5, С. 260-261]. В этой фразе видно стремление очернить врага, показав его слабым, алчным или двуличным.

Читая письмо короля к Бюсси-Рабютену, я задумалась об изучении причин перехода дворян к Конде, о выгодах, которые они надеялись получить от принца, о том, как он привлекал королевских военных к «мятежникам». Мне интересно изучить, как функционировала эта партия, была ли ответственность патрона перед клиентами, чем глава фракции их разочаровывал и способствовал их переходу в другие лагеря.

Исходя из «Мемуаров» Бюсси и Ларошфуко, партия принца сформировалась вокруг его самых близких родственников: брата принца де Конти, сестры герцогини де Лонгвиль, мужа сестры – герцога де Лонгвиля. Отношения в «близком кругу» не отличались постоянством. Ларошфуко писал о герцогине де Лонгвиль, своей возлюбленной, что она пребывала в добром согласии с братом и со всей родней (*речь идет о событиях 1643-1649 гг. – С.М.*), поэтому дворяне обращались к ней, если хотели установить связи с Великим Конде. Например, герцогиня возмущалась из-за отношения кардинала Мазарини к ее брату [2, С. 226-228]. Принц имел широкую сеть родственников и клиентов, которые помогали друг другу налаживать связи и добиваться выгод, в свою очередь поддерживая патрона.

Когда в «близком кругу» стужались тучи, Конде мог остаться без поддержки клиентелы, в которую входили по большей части военные дворяне, его подчиненные, и их родственники. Близкие начинали действовать самостоятельно и враждовать с ним, более далекие от него дворяне старались вступить в другие партии. Разлад с родственниками причинил ему урон, поэтому принц вновь помирился с братом и сестрой, а также с их окружением, например, с мужем и любовником сестры, герцогами де Лонгвиль и де Ларошфуко (*до смерти отца он носил титул принц Марсийяк – С.М.*).

Примечательно, что примирение сопровождалось возобновлением покровительства Конде над его клиентами. Так, одним из первых шагов принца было «обрушиться» на Мазарини за то, что вопреки данному слову тот отказал Лонгвилю в важном назначении [2, С. 226-228], [4, С. 25]. Для фамилии Ларошфуко принц добился тех же привилегий высокого положения, какие были дарованы Роганам, Фуа и Люксембургам. Речь идет о луврских привилегиях, которые распространялись на принцев крови, герцогов, пэров Франции. Они предполагали право въезжать в карете во двор Лувра и право табурета (разрешение дамам сидеть в присутствии короля). Ларошфуко не мог претендовать на эти привилегии до смерти его отца.

Члены фамилии Конде были некоторое время наиболее лояльными и близкими главе партии. Однако в ней состояли далеко не только родственники победителя при Рокруа. Конде старательно «собирал аудиторию», вербуя прежде всего военных королевской армии. К слову, Бюсси-Рабютен, письмо к которому я анализировала в начале статьи, во время Фронды был в правительственном лагере, но принц Конде смог на некоторое время привлечь его к своей партии. Обещанием за лояльность было денежное вознаграждение. Бюсси писал в «Мемуарах»: «Я позволил убедить себя... и получил за свою отставку десять тысяч экю наличными и обязательство от принца в двадцать тысяч ливров» [5, С. 254].

Некоторые дворяне и аристократы во время Фронды опасались принимать ту или иную сторону, стараясь избежать последствий участия в партии, которая проиграет. К примеру, де Лоррен поддерживал контакты с членами партии принца, но не хотел в нее вступать. Мадемуазель де Монпансье отмечала, что он проводил с ней время, развлекая ее поездками ко двору и беседами, однако дворянин не хотел встреч с Гастоном Орлеанским и Конде «из боязни заключить какой-либо союз» [3, С. 75].

Анализируя партию кондеанцев, отмечу, что в ней было неоднозначное отношение к женщинам. С одной стороны, аристократки-фрондерки имели огромное влияние на события во фракции, так как многие из них были активными политическими деятельницами. Стоит упомянуть хотя бы герцогиню де Лонгвиль и де Монпансье, от действий которых зависели дела не только в партии, но и события Фронды вообще. Кроме того, мне кажется очень значимым, что дворянка

или аристократка во время Фронды далеко не всегда имела те же политические взгляды, что и ее супруг. В источниках немало примеров семей, в которых муж был в одном лагере, а жена – в другом. Мадемуазель де Монпансье упомянула, что «все были несказанно удивлены увидеть» в партии Конде мадам де Ла Луп, потому что ее муж, граф д'Олон из дома Ла Тремуи, состоял в лагере мазаринистов и был корнетом королевской легкой кавалерии [3, С. 78-79].

С другой стороны, французское общество XVII в. было далеко от того, чтобы считать женщину равной мужчине. Что говорить о столь далеких временах! Виктор Кузен, автор XIX в., считал, что фрондерский пыл герцогини де Лонгвиль объясняется лишь влиянием любовника (*имеется в виду герцог де Ларошфуко – С.М.*), который «превратил ее в свое орудие» [12, С. 31]. Я полностью согласна с исследовательницей Софи Вернь, что это игнорирование очевидных фактов из мемуаров участников Фронды и искажение роли женщин в ней [11, С. 42].

Возвращаясь к источникам по периоду Фронды, я хочу обратить внимание на реплику Месье¹⁷. Герцог Орлеанский одно время состоял в лагере Конде или был к этому очень близок. Видя интерес многих аристократок к политике, он сомневался в значимости их вклада в события гражданской войны и раздражался на дочь, мадемуазель де Монпансье, которая вела себя независимо. Он считал политику и «дела» занятием не для женщин. Когда во время беседы о политике подошли Мадам¹⁸, а также госпожи де Шеврез и де Монбазон, Гастон Орлеанский взял гитару и сказал: «Давайте потанцуем, дамы, это вам больше подходит, чем разговоры о делах» [3, С. 76,77]. Неслучайно, что Монпансье запомнила это, выражаясь современными словами, проявление сексизма и включила в воспоминания. Герцогине было очевидно неприятно, что отец не считает важным ее участие во Фронде. Сегодня Монпансье воспринимается историками как одна из самых ярких фрондерок, чьи действия заметно повлияли на ход гражданской войны.

Рассмотрев отношения в доме Конде, патрон-клиентские линии, восприятие женщин в партии, я ниже обращу внимание на проблемы этой фракции: неповиновение в армии, недостаток организации, неудовольствие участников.

Нужно отметить, что партия принца Конде существенно отличалась от Старой Фронды¹⁹ тем, что у нее был мощный «боевой» потенциал. Вокруг принца, кроме его родственников и привлекательных женщин [3, С. 71-72], собрались военные. Например, и Бюсси-Рабютен, и Ларошфуко, на которых я ссылаюсь в этом тексте, были кондеанцами из армии²⁰. Я не думаю, что так произошло случайно, напротив, в интересах такого важного полководца, как Великий Конде, было привлекать в партию как можно больше людей из армии и ставить военные предпрятия во главу угла.

Мадемуазель де Монпансье отзывалась о боеспособности армии принца восторженно: «Французские войска Принца состояли из элитных людей, среди которых не было ни одного недостойного», «мои люди совершали опаснейшие вылазки и вызывали уважение у врагов», «в похвалу нашим офицерам можно сказать, что таких храбрецов не было никогда» [3, С.70-71]. В ее «Мемуарах» сказано, что в армии Фронды Принцев были также ирландцы [3, С. 79] и испанцы [3, С. 85], так как Конде договорился с представителями иностранных государств о помощи в ведении войны против мазаринистов. Мадемуазель с гордостью писала, что испанцы питали к ней большое уважение [3, С. 85].

Логично, что управлять таким разным военным контингентом было непросто. Анализ воспоминаний участников показал, что глава партии не мог полностью контролировать военные

¹⁷ Месье (Monsieur) – титул во Франции Старого порядка, принадлежавший брату короля. Во время Фронды Месье был герцог Гастон Орлеанский (1608-1660), сын Генриха IV и Марии Медичи, отец мадемуазель де Монпансье.

¹⁸ Мадам (Madame) – во Франции Старого порядка титул жены Месье, брата короля. Женой Месье, герцога Гастона Орлеанского, во время Фронды была Маргарита Лотарингская (1615-1672).

¹⁹ Парижский Парламент, советник де Бруссель, кардинал де Рец, мадам де Шеврез и др.

²⁰ Ларошфуко все время Фронды был в лагере Конде, Бюсси-Рабютен – небольшой период во время Фронды Принцев (1650-1653).

предприятия. Например, когда принц Конде приказал вести войска через реку, их перевели, а потом они вернулись. Монпансье отмечала: «... они (*Месье и де Лоррен – С.М.*) отправились в небольшой лес, где устроили совет, на котором г-н де Лоррен решительно обещал переправить его войска через реку. <...> Как мы все видели, он переправил через реку три или четыре кавалерийских полка, которые снова переправились обратно, как только мы уехали» [3, С. 79].

Это могло объясняться в том числе тем, что почти каждый участник партии заботился в первую очередь о личных или семейных интересах, а не об «общем деле». Об этом упоминали мадемуазель де Монпансье и герцог де Ларошфуко, и в этом вопросе сведения из двух источников не совпадают. С точки зрения Монпансье, Ларошфуко тоже стремился лишь «урвать кусок». Она написала с явным недовольством, что он и другие важные кондеанцы вели переговоры нечестно: «...мадам де Шатийон, господа де Немур и де Ларошфуко, рассчитывавшие первая – по договору получить сто тысяч экю, другой – губернаторство и последний – такую же сумму, думали только о том, чтобы добиться этого от Принца, какую бы цену это ни стоило, и для этого они постоянно вели переговоры с двором таким образом, что никто не думал набирать рекрутов или новые войска» [3, С. 85].

Из воспоминаний де Ларошфуко следует, что в целом кондеанцы отнюдь не часто могли реализовать чаяния в партии. Мемуарист отметил, что в 1651 г., когда Мазарини должен был покинуть столицу, а Конде вышел из заключения и торжественно въехал в Париж, сторонники принца могли диктовать Анне Австрийской свои условия, но не сделали этого: «...они оставили королеве и ее сан, и власть, не обеспечив себе существенных выгод. <...> ... каковы бы ни были соображения принцев, они не использовали столь выгодно сложившейся для них обстановки (*курсив мой – С.М.*)» [2, С. 351]. Ларошфуко объясняет это тем, что они, добившись преимущества, не смогли воспользоваться им [2, С. 351].

Я согласна с наблюдением С.Ю. Павловой, что мемуарист старался непредвзято представить обе стороны конфликта. Не только противников, но и соратников он нередко обвинял в нарушении общенациональных интересов [6, С. 113]. Например, де Ларошфуко указывал герцогине де Лонгвиль, что ее действия провоцируют войну, опасную как для ее семьи, так и для Франции [2, С. 360].

Фраза из «Мемуаров» герцога де Ларошфуко подсказывает исследователю, что внутри партии отнюдь не царил мир и что многие участники не были довольны главой фракции. Эту мысль подтверждают сведения из произведения мадемуазель де Монпансье, которая тоже обратила внимание на то, что многие «кондисты» сомневались в партии. В отличие от Ларошфуко, она не разделяла этого недовольства и с осуждением относилась к «ненадежным» членам группировки: «Люди, которым нет дела ни до чего, задевали мои чувства; другие начали верить, что их партия не была достаточно хорошей... (*курсив мой – С.М.*)» [3, С. 89].

Отмечу, что причины для ропота на принца Конде у членов его партии действительно были. В нескольких случаях, описанных мемуаристами, принц привлекал дворянина к партии обещаниями, не исполнял их, а потом старался препятствовать его уходу из фракции. К примеру, Бюсси-Рабютена вовлекли в партию ложными обещаниями и обманули, не предоставив ему никаких выгод. Покинув кондеанцев, мемуарист был прощен мазаринистами, также он получил приказ «удвоить старания, чтобы не допустить, чтобы кто-либо... взял в руки оружие или принял какое-либо участие в этой партии (*то есть во фракции принца де Конде – С.М.*)» [5, С. 260-261]. Правительственный лагерь, вероятно, оказался щедрее, так как в награду за возвращение в него Бюсси получил патент лагерного маршала (*le brevet de maréchal de camp*). Как следует из текста источника, дворянин колебался и даже испытывал жалость к главе мятежной фракции, но последней каплей была полученная от принца записка, составленная приближенным и лишь подписанная рукой Великого Конде. Он понял, что заверения принца исходили «больше из соображений его политики, чем из его сердца» [5, С. 255]. Мемуарист подчеркнул это возвращение «на правильную сторону» призывом к потомкам и друзьям никогда не покидать короля и его партии [5, С. 256].

Как это следует из анализа источников, лавирование между партиями отнюдь не было приятным и легким процессом. Анализируя «Мемуары» Бюсси-Рабютена, можно понять причины, по которым происходили лавирования между партиями во время Фронды. Читая «Мемуары» де Ларошфуко и кардинала де Реца, я думала, что переходы от мазаринистов к фрондерам или от кондеанцев к мазаринистам и т.д. можно было объяснить предательством, несерьезным отношением к партиям, лицемерием, желанием найти выгоды любой ценой. Читая воспоминания Бюсси, я несколько иначе увидела контекст переходов из партии в партию. В его тексте чувствуется, что дворяне ставили на первое место личный интерес, карьеру, семью, он приводит больше объяснений этому поведению, оправдывает его. В его логике такое поведение вполне естественно для дворянина.

Участникам нужно было просчитывать не только каждый свой ход, но и возможные реакции глав и членов партий, стараться не терять «очки», заработанные во время активного участия в той или иной фракции. Бюсси отметил в «Мемуарах», что болезнь или ранение могли ударить по позициям дворянина, который выбирал партию или лавировал между несколькими. Он писал: «я опасался, что мои промедления заставят меня подозревать и что мои враги (в которых нет недостатка при дворе) скажут, что болезнь... была предлогом для того, чтобы не действовать против принца, с которым, как они сказали, у меня все еще должны быть связи, что впоследствии никто не получит командования в Нивернуа и что я *останусь без внимания в обеих партиях (курсив мой – С.М.)*» [5, С. 271]. Страх потерять позиции заставил мемуариста пренебречь здоровьем и отправиться в Нивернуа на носилках, чтобы доказать двору лояльность.

Разочаровавшись в партии Конде, Бюсси-Рабютен не преминул привести слова королевы, которая всячески обращала внимание на выгоды служения королю и даже публично заявила, что «принц каждый день терял кого-нибудь из достойных людей» [5, С. 257-258]. Автор привел в воспоминаниях не только свою печальную историю. Дворянин написал о лояльном принце герцоге де Таванне, который во время раздачи губернаторств важным членам партии остался ни с чем [5, С. 263]. У Таванна были веские причины ожидать награды от патрона, потому что он показал себя как лояльный член партии и верный слуга Конде: был лейтенантом его жандармов, первым попечителем его дома и всегда командовал всеми его войсками. Логично было бы поощрить его старания, но принц в тот момент сделал ставку на других членов группировки. Бюсси-Рабютен описал реакцию де Таванна как совершенно естественную в этих условиях: «такое обращение заставило его пожелать оставить принца» [5, С. 263-264].

Из этого фрагмента источника видно, что патрон (и он же глава партии) должен был хорошо чувствовать настрой клиентов (союзников по партии), тщательно взвешивать их деятельность, вклад в дело партии. Если глава фракции забывал отметить усердие кондеанца, он мог получить из лояльного клиента врага, хорошо знакомого со внутренним устройством организации и с делами принца. Также вполне возможно, что «несправедливыми» подарками и назначениями Конде специально старался поссорить членов своей партии, чтобы ни один из них не смог стать лидером и сместить его. Подобным образом вел себя Людовик XIV с придворными, чтобы возвысить авторитет короны и не допустить сплочения аристократии против монарха [13]. В дальнейших исследованиях я постараюсь найти подтверждение или опровержение этого предположения относительно Конде.

Продолжая эпизод с де Таванном, отмечу роль родственных отношений в вопросе о переходе из партии. Перед тем, как принять решение о смене лагеря, дворянин посоветовался со своим тестем, герцогом де Тремом²¹. Тот отговорил его от жесткого разрыва, посоветовав действовать «деликатнее», «с ловкостью», так как перед уходом от принца нужно было еще что-то получить. Де Трем посоветовал зятю провести в парти Конде зиму, а уже потом попросить «освободить его от обязанностей» [5, С. 263-264]. Де Таванн последовал его совету и начал отдаление плавно, попросив принца дать разрешение на поездку в родовое поместье.

²¹ Герцог де Трем (duc de Tresmes) – французский дворянский титул представителей дома Потье. Вероятно, мемуарист имел в виду герцога Рене Потье (ок. 1579-1670) – пэра Франции, военного и государственного деятеля.

Важно, что принц был не только главой партии, но и военачальником, который имел право отдавать приказы дворянам-военным. Конде не хотел отпускать важного участника и стал использовать механизмы «удержания» в партии с помощью военных обязательств: «Принц был удивлен этой просьбой и убедил Таванна подождать еще две недели: две недели прошли, он просил у него столько же...» [5, С. 264]. В итоге через 3 месяца де Таванн смог лишь уехать в Милли-ан-Гастинуа²², но через 4 дня после приезда принц послал к де Таванну дворянина с приказом выехать в Сен-Мор, чтобы возглавить войска [5, С. 264]. Таким образом, покинуть партию принца было не так просто, потому что глава партии обладал различными «рычагами давления» на подчиненных.

ВЫВОДЫ

Резюмируя статью, отмечу, что ядром партии принца де Конде была его семья, в которой важную роль играли женщины. Чем более спокойными были отношения в «близком кругу», тем слаженнее были действия кондеанцев, соответственно, в периоды мира в семье партия могла добиться наибольшего успеха. Закономерен и обратный процесс, который, как я думаю, был одной из причин поражения партии во Фронде. Например, когда принц де Конде мирился с герцогиней де Лонгвиль и с принцем де Конти, партия становилась более сильной, она действовала слаженно, добиваясь успехов. Но стоило братьям и сестре проявить больше самостоятельности, собственной воли – их отношения заметно портились, а партия становилась слабее. В частности, когда герцогиня де Лонгвиль стала соперничать с братьями за влияние на парламентскую фрондерскую группировку, родственники вновь поссорились и больше не могли действовать вместе [14, С. 19].

Партия кондеанцев сформировалась как объединение патрона – Конде и его клиентов: родственников, друзей, подчиненных по военной службе. Принц намеренно вербовал дворян из армии для своей партии, что серьезно повлияло на методы ее функционирования – военные действия против мазаринистов. Конфликты часто происходили из-за того, что глава партии не всегда исполнял щедрые обещания.

Кондеанцы были связаны между собой самыми разными отношениями и обязательствами. Так, от принца ожидали покровительства, ходатайства при получении должностей и земель, помощи в реализации тех целей, которые ставили участники, становясь членами фракции. Представители партии должны были поддерживать принца, выполнять его поручения, воевать в его армии, контролировать занятые территории. При нарушении баланса между ожиданиями и их реализацией в партии происходили конфликты или попытки лавирования между несколькими фракциями. Дворянин, не довольный покровительством принца, мог перестать быть лояльным клиентом, так как патрон не исполнял свою часть «обязанностей».

Конде имел самые разные «рычаги управления» членами партии, потому что многие мужчины были его подчиненными как военные. Сложно сказать, можно ли поставить знак равенства между кондистами, клиентелой принца, его семьей и дворянами из его армий. С одной стороны, все эти участники Фронды более или менее продолжительное время подчинялись принцу, совместно с ним реализовывали свои интересы, ждали его покровительства и сражались с ним против других партий во время гражданской войны. С другой – мало кто из этого списка был полностью лоялен де Конде с начала вступления партии в гражданскую войну и до победы королевской власти. Подобные сложности интерпретации – обычное явление для запутанного периода Фронды, когда даже само понятие «партии» не было четко определено.

БЛАГОДАРНОСТИ

За помощь в исследовании я бы хотела поблагодарить Людмилу Александровну Пименову – научного руководителя, кандидата исторических наук, доцента кафедры Новой и Новейшей истории исторического факультета МГУ им. Ломоносова. Л.А. Пименова многократно прочитала этот текст, сделала пометки на каждой странице, дала много ценных советов и помогла избежать возможных ошибок.

²² Это была земля в четырнадцати лье от Парижа, которая тогда принадлежала ему.

Также хотела бы поблагодарить Дмитрия Рустемовича Жантиева – кандидата исторических наук, доцента кафедры истории стран Среднего и Ближнего Востока Института стран Азии и Африки. Д.Р. Жантиев на своем курсе о современных Арабских странах рассказывал о политических и семейных механизмах, которые были похожими на реалии Фронды. Его курс помог мне написать эту статью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Constant J.-M. C'était la Fronde. P., 2016.
2. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865.
3. Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. T. 1-2. P., 1858.
4. Joly Guy. Mémoires de Guy Joly // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. T. 3, P., 1838.
5. Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. T.1. P., 1698.
6. Павлова С.Ю. К вопросу об авторской оценке Фронды в «Мемуарах» герцога Ларошфуко // История и историческая память. 2015.
7. Павлова С.Ю. Частная жизнь в «Мемуарах» герцога Ларошфуко // Известия Саратовского университета. 2014.
8. Павлова С.Ю. Образ опальной принцессы в «Мемуарах» мадемуазель де Монпансье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия филология. Журналистика: Научный журнал. 2016. Т. 16. Вып. 1.
9. Павлова С.Ю. Орлеанский эпизод в «Мемуарах» мадемуазель де Монпансье и идеал героического феминизма // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. No 2.
10. Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси- Рабютен Р. Любвиная история галлов. М., 2010.
11. Vergnes S. Les Frondeuses: l'activité politique des femmes de l'aristocratie et ses représentations de 1643 à 1661. Toulouse: Université Toulouse le Mirail - II. 2012.
12. Cousin V., Nouvelles études sur les femmes illustres et la société du XVIIe siècle. P., 1856.
13. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.
14. Малахова С.И. Французские аристократы во время Фронды: личные отношения и политика // Клио. 2023. № 8.

INTERPERSONAL RELATIONS OF THE NOBILITY “PARTIES” CONDÉ DURING THE FRONDE

Malakhova S.I.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

During the Fronde (1648-1653) several “parties” were formed in France: the Frondeurs, the Mazarinists, and the Condistes/Condeans; the article is devoted to the latter. A brief literature review mentions some of the recent works of domestic and French researchers, which are similar to the study in terms of problems and methodology. For the study of the Condean party, the methods of social history, prosopographic, and methods of studying sources of personal origin are used.

The main part tells about the reasons of the nobles' transition to Condé, about their goals and calculations, about whether the head of the faction was responsible to them, about the relations of the participants, about quarrels in the prince's family. Special attention should be paid to the recruitment of new participants, among whom was one of the authors of the researched sources - Count de Bussy-Rabuten. The attitude to women in Condé's party is especially considered. Despite the fact that the Duchesses de Longueville and de Montpensier were active political figures with enormous influence on the events of the Fronde, male Condéans often overlooked their contributions.

The Condeans differed from other parties in that they included many military men. This made the faction strong, but also made it difficult to control. The disobedience of the members was due to the fact that they thought more of their own benefit and that the prince did not always keep his promises. Disillusioned with Condé, some of them began to manoeuvre between factions.

To summarise, it is necessary to note the particular influence of family relations in the house of Condé on the activities of his party, because the "top" of the Condéans were the brother and sister of the prince. Quarrels and periods of peace between them led then to the decline and then to the rise of the activities of the faction. The Condeans were bound together by a variety of relationships: familial, patron-client, friendship, love, and others. The Conde expected loyalty and obedience from the members of their association, while the Condeans expected patronage and the fulfilment of generous promises. Conflicts arose when these mutual expectations were not realised.

KEY WORDS

France in the mid-seventeenth century, Fronde, nobility, party functioning, Prince de Condé, Condeans, Fronde women.